

Сашок и кошка

Хмурый октябрьский день не предвещал ничего хорошего. А ничего хорошего и не может быть у человека, который экстренно в запале ищет квартиру. Серые бетонные коробки, район – колодец. Можно крикнуть «Аааа!», задрать голову к небу, и звук пойдет в круговую, ударяясь об уродливые бетонные стены, начнет стремительно терять высоту и наконец шлепнется в разжиженную слабым осенним солнышком грязь. Мне нужно

здесь найти коробку, уютно расположиться в ней, пусть даже пара лап наружу, пусть даже негде наклониться, чтобы вылизать шерсть на боку. Я иду, зажимаю подмышкой перчатки, клею методично на подъезд за подъездом свои творческие объявления, ни одно не похожее на другое – в них автор красной гелевой ручкой, марая пальцы, сообщает, что он самый лучший на свете, только дайте ему приют за сходную цену.

Возле трехэтажного рыжего кирпичного красавца – он кажется таковым только на фоне бетонных коробчущек – стоит и не может уже стоять, перегнулся пополам, мина страдания застыла на лице немолодого мужчины. Он тихо шевелит губами, я же, не особенно прислушиваясь к его словам, снова принимаюсь за свое дело: клей, объявление, холодный пластик стенда, ветер обжигает уже мне пальцы, и про себя в сердцах я восклицаю: «Последнее!». Тут до меня доносится еле слышное:

- Вызовите скорую...

Тут необходимо лирическое отступление, чтоб вы понимали, что я за фрукт и почему я поступила так, как поступила я, а не любой другой нормальный человек. Большинство людей, увидев бомжеватого костлявого мужчину, согнувшегося в три погибели возле двери подъезда, где валялась похожая на тряпки сумка, из которой истерично мяукала кошка, прошли бы мимо. Но я не такова. Невзирая на явные недостатки в имидже, я, видите ли, бросилась помогать бедолаге. Я вызвала скорую, они затребовали мои личные данные, в конечном итоге мы прождали самую скорую помощь в мире минут около 40, я думаю. Говорили о многом. Я невзначай спросила, не сдает ли здесь кто квартиру, он ответил, что он намерен сдавать. Я ухватилась за такую счастлившую возможность и вручила ему последнее оставшееся у меня объявление с моим номером телефона. Когда скорая прибыла, он распрямился-таки, и я увидела достаточно интеллигентное лицо с вытянутыми скулами и какие-то маленькие, уставшие и совершенно безрадостные глаза. Он удалился с фельдшерами, я удалилась восвояси. Через два часа он позвонил и сказал, что хочет помочь мне – ведь я ему помогла – и что я могу переезжать.

- Там только есть некоторые проблемки...

И вот в промозглое октябрьское утро понедельника я пытаюсь снять сапоги, держась рукой за стену коридора, ведущего в преисподнюю. По крайней мере, я представляю его себе имен-

Но таким. С самого порога ударил меня в нос так сильно, что чуть не сбил с ног, запах сырости, мокрого цемента и старых вещей. Главная старая вещь стояла рядом со мной, периодически перегибаясь пополам – ему снова было плохо. Стены коридора и кухни были напрочь лишены даже какого-то намека на предстоящий ремонт, то же было в ванной. Желтое пятно, как гнойник, светило издали с белоснежной еще эмали, и на него методично капала из крана капля за каплей ржавая вода. Лишь в одной комнате можно было находиться: унылым трупом валялся в углу ковер, впрочем, вполне готовый к реанимации, тут же красовался торшер с отрезанной вилкой, в углу стол, застеленный ублюдочно-голубой скатертью, стол, довершал картину диван, сине-коричневый выкидыш какой-нибудь советской Русмебели, да гладильная доска, вся в пятнах ржавчины, прикрытая куском обоев. Вот моя вотчина на ближайшие полгода. Я молча обзревала это все и повторяла про себя: «Москва не сразу строилась!». Я заставляла себя отдать немного души этому уродцу, чтобы из него, быть может, что-то дельное в будущем получилось. Она не так уж и плоха была, эта квартира. Как обдерганное и грязное, но милейшее дитя у преступно-равнодушного родителя. Надо было выводить вшей, лечить, отмывать, стирать и гладить одежку, и тогда, возможно, это будет розовый ангел в чистом виде. Хотя нет, не будет.

- Я сдам вам эту комнату, а сам, когда будет нужно, прийду сюда и могу побыть в кухне...

Так сказал мне загадочный хозяин, как выяснилось позже, двух квартир в довольно большом, но безумно одиноком городе. Я не почувствовала угрожающих ноток в его голосе. Я переехала и принялась приводить все в надлежащий вид. Я скорее согласилась бы стереть кожу на руках, чем оставила хотя бы пядь неоттертой, лишенной внимания. Стены вдохнули морозный уже позднеоктябрьский воздух, лимонный ароматизатор – и ожили. Еще немного – и ковер зажил своей обычной жизнью ковра, наполняясь то пылью, то пеной чистящего средства, благодарно впитывая в себя крем с мускусом и миндалем, которым я мазала ступни. Засиял кафель, и ванна раскрылась в своей бесконечной белоснежной улыбке, а через какие-то полчаса она вся была улыбка, как чеширский кот. Причмокнула, фыркнула и ожила лейка душа. И даже ублюдочно-голубая скатерть перестала казаться незаконнорожденной в этом доме. Я вечерами работала за ноутбуком, приспособила себе некое подобие чайного столика и была совершенно счастлива. Но в один из вечеров пришел Александр, в последний раз он именовался полным именем, с этого вечера он окончательно переродился в Сашка и останется им теперь вечно.

Он позвонил в дверь. Увы, теперь Моцарт для меня – не только великий композитор, но и автор мелодии для звонка в дверь, который... О, этот звонок помог мне оценить вкус жизни. И запах. Запах до Сашка и после него. И так, он пришел, потому как спасался от одиночества. Он пришел с многочисленными старыми полурваными и мятыми пакетами. Конечно, он притащил с собой кошку в своей тряпичной, очевидно, бывшей когда-то небесно-голубого, а теперь одному Богу известно какого цвета, сумке. Он дышал пивным разгулом, он жаждал и меня втянуть в эту вакханалию хмеля и солода. Я уверенно отрицала саму возможность. Пиво я люблю – но не такое, и не в такой компании. Он много говорил, сидя в коридоре напротив меня, я же заняла свое обычное рабочее место и занималась своими делами, изредка поддерживая разговор. Время от времени я предпринимала марш-бросок на вражескую территорию – на кухню. Я предложила ему чудесный блинчик с сыром и чесноком, испеченный мною самолично. Он, мелко хихикая, то брал его обеими руками, словно новорожденного, то клал на место и тряс головой. Тут я всерьез обеспокоилась:

- Что-то не так?

- Вы сами пекли? – на всякий случай уточнил он.

- Ешьте, не отравленный, я второй уже съела, - пошутила я.

- С сыром и чем еще? – похихикивая, спросил он.

- С чесноком и помидором...

- Помидором?!

Я совершенно не понимала, что не так. Аллергия на помидоры? Или он считает, что это недопустимое сочетание? Мой мозг принялся лихорадочно отстаивать право моего блюда

на существование. В конце концов, блины придумала не я. Во мне, конечно, больше матери Терезы, чем женщины, но тут мое женское взбунтовалось, опустило забрало и готово было уже переть без разбора прямо на противника, вооруженное раскаленной сковородой, но тут выяснилась причина идиотского смеха.

- Вы знаете, я лет пять не ел помидоров...

Признаюсь, мои финансы пели романсы, выводили целые рулады, можно сказать, но чтобы забыть вкус таких обычных вроде бы продуктов – это, знаете ли, было слишком. Я подумала в тот момент, что даже бомжи, как следует покопавшись в урне и извлеки оттуда этот красный плод с блестящим гнилым бочком, не могут сказать, что они не ели помидоров пять лет.

- Вы приехали на такси? Вы купили шесть литров пива? – информация требовала уточнения. Теперь я сомневалась во всем, даже в том, что вижу.

- Ну да, - пожал он плечами, как если бы у него спрашивали о совсем обычных и привычных для него вещах.

- И вы не ели помидоров пять лет? – вновь уточнила я.

- Угу, - это он уже принялся за мой блин. И блаженно закрыв глаза, он произнес: «Помидорооры».

Мне стало не по себе – я ретировалась и принялась за работу. Он снова сел напротив и рассказывал мне о своей жизни. Его истории были чудовищны. Нет хуже ситуации, чем человек, который заслуживает жалости, хуже того, если это нестарый еще мужчина, способный еще изменить что-то в своей жизни к лучшему, но востократ отвратительнее, когда он жалости не достоин. Предчувствую, как встанут сейчас грудью гуманисты на защиту этого человека. И слушая его, действительно хочется жалеть, помогать, утешать... Но сухие выжимки его биографии свидетельствуют о том, что человек опустился сам, потому что так хотел. Быть может, земное притяжение на него действует сильнее, чем на кого бы то ни было. Возможно, терять человеческое лицо – вот животный порыв млекопитающего, внезапно рожденного двуногим. Как бы то ни было, вот факты. Ему 41 год. 12 последних лет он нигде не работает. Он нигде не работает, потому что не хочет.

- Неохота... - пожал он плечами, как это делают девочки, когда их зовут на свидание. Они кокетничают, не уверены в своей симпатии, набивают себе цену... Все это вместе, все одновременно. Но это – о девочках.

На что он живет? Он занимает деньги. Он занимает деньги 12 лет – и еще никому не вернул долг. Он вытягивает вперед руки с побелевшей кожей и вздыбившимися суставами. Он говорит:

- Это расплата. Мне нужно раздать долги, может быть, тогда я перестану болеть.

Он понимает, что нужно. Сделает ли он это когда-нибудь? Ответ очевиден.

- И нужно прекратить пить, - вставляю я свое антинаркотическое, излюбленное.

- О, - говорит он, - мой отец пил очень сильно, но он и очень много работал.

Что же, отец работал и пил, сын пьет и не работает. Идем дальше. А разве есть куда дальше? Разве есть более дальний предел, чем этот?

- Главное – найти мою кошку. Она опять спряталась, - эта сакраментальная фраза прозвучала не менее странно, чем все остальное. Наконец он назвал кошку по имени, и я поняла, что он безумен. Видите ли, я так благосклонна к слабостям других, что достаточно долгое время не списываю их со счетов. Но когда я узнала, как зовут его кошку... Воля ваша!

- Тряпа! Тряпочка!..

Ну что вы хотели от кошки, которую так зовут? Страннейшее, как и ее хозяин, существо была эта Тряпа. Была она длинна и худа, хотя хозяин намеренно много кормил ее китикетом – этой синтетической дрянью. Попав только в квартиру, она немедля пряталась в любой угол, ища себе убежище так, словно на нее сыпался метеоритный дождь или она была под обстрелом. Так немцы тикали от нас в 1945-м. Но не с таким паническим страхом, с каким бежала и пряталась она, хотя эта квартира и не была чужой для нее. Представьте себе, она умудря-

лась залазить в невероятно малое пространство между спинкой и сидением кресла. Туда еле проходит моя тонкая рука, но вот кошка, представьте себе, помещается полностью, со всеми своими усами!

Визитер ушел, но запах остался. И, как вы понимаете, на этом увлекательнейшая история с Сашком не закончилась... День следующий. Я пришла домой, а там закрыто. Не только на нижний замок, от которого у меня был ключ, но и на верхний, от которого... Сами понимаете. Милейшие соседи мои, киргизы, знали все и вся и подробно рассказали, что хозяин побывал в квартире в мое отсутствие, вызвал Скорую (Сашок воспринимал ее подобием такси), а сразу после его отъезда приехала женщина, очевидно, сестра, прилично одетая и вообще... Словом, она и закрыла квартиру. И вот тут я горжусь собой, уважаемый читатель! Дай же потешить свое самолюбие! Я не вскрыла верхний замок (он был мне не по зубам), я вспомнила адрес, который он называл таксисту! В том районе застройщика хватило лишь на небольшие пятиэтажки. Вообразите мое отчаяние, когда, подъехав к дому номер Пи, я увидела девятиэтажку. Но это была минутная слабость. Я решила методично начать с первого подъезда, и каково же было мое удивление, когда в первой же квартире мне дали подробнейшие пояснения.

- Да, лет 40, седой такой, точно, все время с кошкой и сумками... Странноватый какой-то... А зачем он вам?.. На девятом этаже, воспользуйтесь лифтом.

Лифт неприятно щелкнул, когда я затолкала в него свое тщедушное тельце вместе с неуспокоенной моей душой в придачу, словно у него были свои дела, а я лишь отвлекала его, к его огромной досаде. Лишь появившись на этаже, я сразу же поняла, что нашла именно Сашка, и его, а не кого-то другого, увижу сейчас. На лестничной площадке сгрудились несколько грязных, изношенных пакетов, как кучка бездомных, пришедших на скромные похороны товарища. Перегнувшись через перила, увидела еще пару грязных пакетов на лестнице у мусоропровода. А повернув голову влево, уже более не нуждалась в провожатых. Не закрытая, а лишь слегка притворенная дверь, обшитая горизонтальной деревянной рейкой – привидение хозяйственности из 1960-х, внутренняя, также незапертая совковая дверь с элегантной некогда обивкой цвета бордо, а за ними – все те же пакеты, темнота, запах слежавшейся одежды – все, чем пах сам хозяин квартиры, вечно больной, ослабевший от безделья. Рискнув войти в квартиру, я оказалась в царстве забытых вещей. Словно кто-то очень неловкий и несоразмерный убежал отсюда, этакий слон в посудной лавке, и вот ведь оплошность, задевал и ронял своей мешковатой одеждой все подряд, да так и оставлял. Увидела в прихожей приоткрытый стенной шкаф, из которого, высунувшись или даже перегнувшись со своих полок, словно пытаюсь выпрыгнуть и убежать, в нагромождении лежали, висели, но не покоились все те же многочисленные пакеты. Они были созданы специально для того, чтобы покупатель сложил в них продукты и принес домой из супермаркета. Пакеты эти никак не ожидали, что их век будет так долог и мучителен. Как истинные буддисты, они свято верили в перерождение, в свою полиэтиленовую нирвану какого-нибудь подмосковного перерабатывающего завода. Но чтобы какой-то вечно больной и изможденный человек эксплуатировал и их до изнеможения, перекладывая из одного в другой всякий хлам... Они свесили худые серые животы с полок, и ручки зияли пустыми глазницами.

Но тут на авансцену выдвинулся сам хозяин мешочного царства. Главный и самый потрепанный пакет. Основная забытая кем-то вещь в этом мире и этом доме. Он предстал передо мной все в том же весьма плачевном виде на пороге своей, с позволения сказать, квартиры с таким видом, словно в дом его лезут воры, не иначе. Но какое же истинное изумление изобразилось на его лице, когда в коридоре он увидел вашу покорную слугу. Целая гамма чувств от непонимания и досады до изумления и даже восторга отразилась на его лице! Как я нашла его? Как не побоялась прийти? Я немедленно приступила к расспросу обвиняемого.

- Александр, может быть, вы объясните, почему я не смогла попасть в квартиру сегодня? – я постаралась сделать грозный голос.

Ах да, совсем забыла упомянуть о моем напарнике, молодом спасателе, который в тот период времени неровно дышал ко мне и поспешил рыцарски помочь мне в этом запутанном деле.

Он тоже, в своей зеленой форме стоя на лестничной площадке, немало грозности придавал моему фееричному появлению здесь. Не знаю, изумление ли не дало опомниться моему вечному больному - или же мой грозный спутник - но Сашок ключи мне отдал безоговорочно.

- Я все позже вам объясню, - как бы успокаивая меня, выдавил он. Это единственные слова, которые он смог произнести в тот вечер. Думаю, он извлек для себя неплохой урок из всего этого. Впрочем, если он вообще способен был учиться мудрости житейской. Но только я в тот вечер тоже кое-что поняла для себя: а Сашок совсем не глуп, он очень даже себе на уме! Только ум его был расплюснут и затоптан под грузом лени и бессмыслицы жизни.

Из этого Ватерлоо я вернулась Наполеоном. Но, как и у всякого честолюбивого полководца, у меня были те внутренние потери, о которых знала и могла сожалеть только я. Главная из потерь - вера в людей вообще. И в мужчин, в частности. Потерю мужского в мужчинах, если угодно. Этот Александр, на вид болезненный Болконский на пенсии, был на самом деле Плюшкиным. Разве что черты мужественности еще были написаны на его лице. Точнее, на исхудалых скулах, неминуемо приближающихся к тем самым скулам ключницы, с которой познакомился Чичиков в своем путешествии по «Мертвым душам».

Я съехала с этой квартиры после неприятного разговора с сестрой Сашка, непревзойденной закрывательницей дверей, которую кроме квартиры не волновало более ничего в этом деле. Но Сашок не покидал меня. Конечно, дух его выветрился из моего дорожного чемодана так же быстро, как и попал в него. Но сам Сашок... Он никак не выветривался из моей головы. Я непременно хотела пойти дальше вглубь проблемы и понять, как человек может стать таким. Как еще молодой мужчина может пять лет прожить на хлебе и пиве?.. Да и в еде ли дело?.. Нет, если бы речь шла о монахе пустынноике, отказывающем себе во всех удовольствиях ради спасения души, разговора бы не было даже. И люди выстроились бы в очередь, чтобы посмотреть на человека, преодолевающего естественное и мелкое ради высокого и духовного. Но дело в той крайней степени распушенности, когда человек перестает быть человеком, а становится чем-то средним, неопределенным. Когда человек зарастает в целлофановые пакеты и сам скоро таким пакетом становится...

Жизнь долго вела меня к разгадке. Я блуждала окольными путями, я шла за тридевять земель. Человеческое во мне говорило: «Просто живи!», но писатель во мне бушевал: «Раскрой тайну! Выведи будущего Плюшкина на свет Божий!». Аллеями, парками, музеями современного творчества я шла к разгадке тайны, я искала начальную степень разложения в человеке, тонкий душок, легкое шуршание целлофана в его душе. И нашла ее - вот в чем каламбур! - в магазине. В царстве новых целлофановых пакетов и упаковочных материалов я упаковала его для себя.

Все было в нем то же: высокий рост, выдающиеся скулы, худоба, беспокойный взгляд, уже ищущий целлофановых пакетов. Этаким Буратино на шарнирах, управляемый кем-то незримым. Кем-то хитрым пододвинутый ко мне поближе, чтобы я хорошенько все рассмотрела. «Лицом к лицу лица не увидать», как известно. Но я подошла максимально близко. Я вошла в квартиру, где под покровом темноты были вроде бы незаметны нагромождения ненужных вещей. О солнце, как безжалостно ты к Плюшкиным! Как громишь, освещая, ты темные подвалы плюшкинского безволия! Впрочем, ясно было мне происхождение темных штор, делающих темницей эту и без того неуютную и темную квартиру. Темные, кофейного цвета шторы от самого пола до потолка надежно скрывали хозяина дома от солнечного света, радости, жизни. Некогда окна эти были предоставлены лесному пейзажу, облагораживающему их, но теперь урбанизация встала на пути у солнечного света, и сам герой наш не стремился спорить с ней, а просто занавесил окна поплотней. Говоря об урбанизации, я имею ввиду десятиэтажного красавца-исполина, вытянувшегося во всю свою дурь прямо перед домом нашего героя и приватизировавшего солнечный свет раз и навсегда. Впрочем, и в шторах не было особой надобности, поскольку окна давно уже не просвечивали, и лишь кое-где между пыльными разводами некогда хозяйничающей здесь женщины, солнечный свет в мелкую крапинку неумолимо сочился внутрь.

Впрочем, и изнутри сочилось кое-что. Это запах кошачьей мочи. И уже знакомый моему дорогому читателю кишкообразный кот (не кошка) прятался под диваном, едва заслышав приход чужого. Абсолютно все углы были завешаны паутиной, казалось, пауки жили даже там, где жить совсем уж невозможно, но, преодолевая силу гравитации и кошачью вонь, мостились даже вокруг бачка унитаза. При безжалостном дневном свете я увидела это все.

Вдоль левой стены громоздился серый, грязный шкаф, набитый совершенным хламом, из некоторых дверей торчало наружу то, что торчать совсем уж было не должно – забытое кем-то торопливо убегающим отсюда нижнее белье, серое, черное, в мелкую и крупную дырочку. Стекло в шкафах еще с лета было засижено мухами, здесь же на люстре висела липкая лента, на которой давно почившие в бозе мухи все еще не были захоронены по их мушьему закону вот уже полгода, не меньше. На кухне же поражал непривычный глазу хаос. На плите жарился картофель, макароны, причем, чтобы ты понимал, уважаемый читатель, все это жарилось то ли в какой-то дырявой сковороде, то ли вовсе без сковороды, поскольку всем этим была обильно усеяна вся плита, включая конфорки. Кафельная плитка на стене кое-где отвалилась, из-под нее, как из-под подкладки фальшивой шубы, торчала серая вата цемента. Здесь же вдоль стены стоял уродливый, красно-рябой диван, на котором засыпало в пьяном угаре не одно поколение будущих Плюшкиных. Я так и вижу, как оседают они, подчиняясь силе гравитации, не имея ни на что более собственных сил, на этот диван, опадают, словно осенние листья. В коридоре на некоем подобии галошницы, а попросту – полки для обуви – стояли боты со сгнившим изнутри мехом, словно заросшие мхом. Венчало все это безобразие огромное количество пивных бутылок, которых не было видно невооруженным взглядом, но которые при первой же уборке выставляли на меня, словно дула, свои открытые горлышки. Вооружившись тряпкой, щеткой, всяческими порошками и жидкостями для уборки, я мысленно ругала хозяина на все лады: как можно было не постесняться такого беспорядка? Но, судя по всему, хозяин был не из стеснительных.

Скупость в еде сочеталась в нем с расточительством, когда дело касалось спиртного. По-немногу растеряв всех родных людей, став досадным недоразумением и отягчающим обстоятельством дурного воспитания, он оставался один в своей норе-берлоге, забрасывая пустыми бутылками пэт все углы и предаваясь ностальгии, не только бесполезной, как любой род ностальгий, но и вредной при нынешнем его состоянии. Он вовсе перестал работать, надеясь на то, что родственники или очередная, случайным ветром занесенная в его нору женщина накормят его. И они кормили, кормили, но недолго.

Вначале назвав мизерную плату, хозяин этот не упускал своего – и каждый месяц повышались и расходы, и оплата, а условия лучше не делались. И как не хотелось вновь тащиться куда-то по зиме, по рыхлому мерзлому снегу, со всем своим скарбом, а все же пришлось, ибо созерцание пьяной морды, глупые рассказы и плохо отрежиссированные театральные сцены смертельно надоели мне.

Я ушла из этой квартиры, как поскорее закрывают надоевшую книгу, которую читали до середины, все еще веря, что вот-вот случится что-то интересное – но ничего не случилось, время было потеряно зря. Как фермер покидает худую землю, обильно удобряя ее несколько лет, но все же не получив от нее мало-мальски приличного урожая. Неблагодарная почва, пожирающая все и вся. Ненасытное чавкающее и хлюпающее болото.

Что-то случилось теперь с этим болотом, кто-то вновь кидает в него обогретье и заботливо обработанные морем камешки? Или грубые, все в земле и дорожной пыли, неотесанные и грубые булыжники? Все поглотит болото с одинаковым чавканьем. Лишь кое-где одинокая лягушка квакнет во все бегемотье горло – и захлебнется криком, и примолкнет. В самом деле, зачем? Чего ради звать кого-то, если никто не поймет твоего одиночества, не купит бутылку дешевого пива и совсем уж нет желающих убирать зеленую блевоту? Лучше уж так, не колыхаясь даже лишний раз, быть на этой Земле без претензий еще. Просто иногда кормить кота, пить пиво и ругать жизнь...